

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В СОСТАВЕ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ В ПРОЗЕ В. ТОКАРЕВОЙ

Кендюшенко А. Г.

Киевский национальный лингвистический университет

У статті розглянуто порівняльні конструкції з прецедентними іменами власними в проекції на індивідуальний художній світогляд В. Токаревої, описано функції антропонімів у складі тексту і характер передаваної ними інформації.

Ключові слова: компаративні одиниці, прецедентні феномени, інтертекстуальність, прецедентні антропоніми, джерела прецедентності.

The article deals with comparative units with the precedent anthroponyms in a projection on the individual artistic world view of V. Tokareva, the textual functions of anthroponyms, character of information they convey.

Keywords: comparative units, precedent phenomena, intertextuality, precedent anthroponyms, sources of precedent phenomena.

Русский язык располагает огромным количеством разнообразных средств для достижения образности и выразительности на всех языковых уровнях. Среди этих средств значительное место занимают сравнительные конструкции, стилистические возможности которых реализуются по-разному в творчестве многих поэтов и прозаиков, поскольку сравнение является инструментом раскрытия психологизма действующих лиц и средством повышения эстетической ценности текста, средством воздействия на эмоциональную составляющую читателя. Цель данного исследования – описать семантические особенности сравнительных конструкций в проекции на индивидуальное художественное мировоззрение В. Токаревой

Для прозы В. Токаревой характерна интенсивность привлечения компаративных единиц для формирования образов действующих лиц художественного произведения. Особого внимания заслуживают сравнительные конструкции, в состав которых входят прецедентные имена, выступающие символами прецедентных феноменов, как составляющая художественного идиолекта Виктории Токаревой. И не только потому, что имена собственные, образующие “ономастический мир” художественного текста и творчества писателя, играют важную текстообразующую роль в плане развития его парадигматики и синтагматики, но и потому, что эстетические объекты, ими обозначаемые, участвуют в развитии и построении речевой и литературной композиции текста, в выражении всех художественных смыслов и мировоззрения автора.

В современном языкознании, исходящем при анализе языковых явлений из лингвокультурологической парадигмы, понятие интертекста, или прецедентного феномена, становится всё актуальнее. В русле антропоцентрического направления современной лингвистики одним из центральных объектов исследования является языковая личность, порождающая и воспринимающая тексты. Национально-культурному и энциклопедическому уровню владения языком принадлежат некоторые события, факты, имена, тексты, которые знакомы большинству представителей лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в его речи. Такие неоднократно воспроизводимые и значимые для каждого из участников коммуникации слова и словесные комплексы принято определять как прецедентные. Феномен прецедентности основывается на общности фоновых знаний адресата и адресанта – социальных, культурных или языковых. Реализация прецедентных феноменов в художественном дискурсе “влечет за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ними стоит” [2, с. 153]. К числу

проявлений интертекстуальности относится и рассматриваемая в данной статье разновидность использования имени собственного в составе компаративного тропа в прозе В. Токаревой. Используя прецедентное имя – “индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или прецедентной ситуацией” [3, с. 197], писательница рассчитывает, что ее посыл не останется безответным и коммуникация с читателем будет успешной.

В составе образных сравнений прецедентные имена собственные используются в качестве эталона сравнения. Сравнение – одно из самых ярких средств языка, устанавливающих связи и отношения между предметами и явлениями действительности. Одновременно сравнение – одна из форм художественного мышления. Сравнения с прецедентными именами собственными представляют собой сравнительные оценочные высказывания, в которых прецедентные имена выступают в роли оценочного стереотипа. В известной монографии по теории ономастики подчеркивается, что “имя человека, широко известного благодаря какой-либо черте внешности или характера, легко переносится на других людей, обладающих теми же чертами, при этом не подвергаясь полной апеллятивации” [5, с. 45]. Под апеллятивацией подразумевается переход имени собственного в иные лексические подсистемы, в частности в разряд нарицательных имен существительных [5, с. 38].

Чаще всего за основу для классификации принимаются понятийные сферы-источники, к которым принадлежат прецедентные феномены в своих основных значениях (литература, театр, политика, кино, спорт, музыка, наука, субкультура и др.). При рассмотрении сфер-источников прецедентности обычно разграничивают литературные и социальные источники. В первом случае источником служит мир, созданный творческим воображением людей искусства (и сами авторы произведений), например: *Мечтанья с глаз долой, и спала пелена. Как у Чацкого* [7, с. 83], а во втором – реальный мир, подлинные люди и события, например: *Новый Олег – с бородой и глазами как у Че Гевары* [7, с. 79].

Рассматриваемые случаи использования имен собственных могут быть определены как прецедентные антропонимы. К этой группе прецедентных имен относятся широко известные имена собственные, которые могут использоваться в качестве особых культурных знаков, своего рода символов определенных качеств [1]. К прецедентным антропонимам относятся имена и фамилии известных исторических личностей, деятелей науки, искусства, культуры, употребление которых в образных сравнениях представляет собой вторичную номинацию. К области прецедентных имен собственных с денотатами из виртуального пространства относятся такие классы имен собственных, как мифонимы, имена сказочных персонажей, библейские онимы, антропонимы из мира литературы и кино. В класс прецедентных литературных антропонимов входят имена и фамилии персонажей из произведений художественной русской и мировой литературы. Рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства В. Токаревой, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах читателя. Как отмечает Ю. Н. Караулов, “знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры” [2, с. 216].

Как показал анализ антропонимических единиц литературной сферы, в сравнениях В. Токаревой активно функционируют персонажи литературных произведений: *Ада высоко ценила своего Осю и, как чеховская Душечка, разделяла все его принципы* [10, с. 42]; *Работает запоем. Жалеет время на еду и сон. В голове “одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть”*. *Как у Мыры* [12, с. 227]; *Марина вспоминала, как она будила Алечку в детский сад, как Алечка не могла проснуться, и несправедливость стучала в груди, как пепел Клааса в сердце Тили Уленицигеля* [7, с. 84]; *А ты выбрал сказку, учишь всепрощению, увецеваешь, как горьковский Лука* [13, с. 117].

Иногда в сравнение вводится сказочный персонаж: *Он замолчал. Смотрел на Лору. У него было выражение, как у князя Гвидона, когда он, проснувшись, увидел вдруг город с теремами и церквами* [9, с. 91]; *Сидели тихо, как братец Лис и братец Кролик* [12, с. 221]. Как видно, прецедентные антропонимы из мира литературы устанавливают тождество между определенным человеком и литературным героем по какому-либо качеству. Примером сравнения действий служит сопоставление бурной деятельности героини рассказа В. Токаревой “Первая попытка” и извержением огня Змеем Горынычем, персонажем русских сказок, который носит огонь в себе и извергает его в случае нападения: *Ломеева, в свою очередь, выпустила дюжину шаровых молний, дынула, как Змей Горыныч. Диссертация Мары тоже была остановлена в Высшей аттестационной комиссии* [7, с. 40]. Ср. также: *Мара и Ломеева сошлись, как барс и Мицри* [7, с. 41].

В качестве эталона сравнения В. Токарева использует также прецедентные имена, восходящие к тестам Библии. К антропонимам библейского происхождения относятся, например: *Он уехал из Баку вместе с женой, и они ходили рядышком, как Гога с Магогой, руки калачиком* [7, с. 81]; *Надо позвонить самому и сказать: “Я предал вас, как Иуда Христа. Мне тяжело. Я, может быть, повешусь. Но это не меняет дела. Я предал вас”* [12, с. 235]; *И ей хотелось подчиниться и идти за ним, как апостол за Христом* [12, с. 236]; *Если рядом человек, которого ты любишь, а он тебя, – можно жить хоть сто двадцать лет, как Моисей, и года не в тягость* [13, с. 37]; *Ты подошёл и заглянул в мои затравленные глаза своими, все понимающими, как у Господа Бога* [13, с. 121]; *Марго окаменела, как жена Лота* [9, с. 25].

Вводит В. Токарева в ткань художественного произведения и мифологические прецедентные антропонимы. К мифологии, например, отсылают сравнения: *Обещала убить себя и ребенка, как Медея* [9, с. 21]; *Детство Федерико прошло в маленьком провинциальном городке Римини. И как Антей от Земли, он черпает свое творчество из детства* [12, с. 26]; *Но сейчас ему показалось, что он наконец-то после долгих скитаний вернулся в родной дом. Как Одиссей* [11, с. 49]; *Устанавливался серый день, похожий на осенний, а она – лбом вперед за счастьем, как Диана-охотница* [10, с. 36].

В зависимости от рода занятий носителя имени в классе прецедентных антропонимов можно условно выделить три группы.

1. Известные исторические личности, политики и государственные деятели: *Далее, из номенклатурных глубин вынырнул Ельцин и, как Спартак, повел рабов к свободе* [10, с. 43]; *Леня стал народным героем, как Чапаев* [7, с. 74]; *Дюк постоял, собирая себя воедино, как князь Владимир разрозненную Русь* [8, с. 41]; *Я поняла, что ты постоянно думаешь о своём фильме. Как Ленин о революции* [13, с. 117]; *Марина помнила заискивающие лица родителей и учеников. Ей это было по душе: держать в страхе и повиновении. Как Сталин всю страну, но в более мелком масштабе* [7, с. 68]. При этом дифференциальные признаки прецедентных имен часто существенно различаются в сознании различных людей, для них в большей степени характерны исторические изменения. Например, прецедентное имя “Сталин” сейчас воспринимается совершенно не так, как это было в середине прошлого века.

2. Писатели, поэты: *Красивый. На Мопассана похож. Но старый* [10, с. 67]; *Никто ничего не делает. Вместо того чтобы сведения собирать, отправляются на рыбалку. Как Хемингуэй* [12, с. 238]; *А самое главное: она любила Александра, любого – трезвого и пьяного и хамски безразличного. Он был ее ВСЕ, как Пушкин для России* [7, с. 26]; *А папаша вырожденец? – В какой-то степени. Как Некрасов. Отец – барин, а мать – дворовая девка* [11, с. 81];

3. Деятели искусства, музыканты, режиссеры, актеры, певцы: *Пряатель – красивый, похож на композитора Раймонда Паулса* [10, с. 36]; *Мой сосед справа похож на молодого Ива Монтанца – тот современный тип внешности, о котором можно сказать: “уродливый красавец” или “красивый урод”* [9, с. 139]; *А Вера Федоровна плюс литература – как Паганини со скрипкой*

[13, с68]; *Вдруг придёт болезнь, как к Параджанову, и съест мозг?* [13, с. 117]; *А впереди – длинная жизнь об руку с любимым и единственным. Только он. Только она. Вместе и навсегда. Как Орлова и Александров* [8, с. 22].

4. Ученые и философы: *Я заметила: носители нравственности, как правило, порочные титы. Как Фрейд* [8, с. 43].

В центре образного сопоставления в прозе В. Токаревой – герой с его личными отличительными внешними и внутренними особенностями, которые и становятся чаще всего основанием сравнения. Говоря о наиболее существенных признаках прецедентных антропонимов, следует прежде всего назвать осознание рассматриваемых элементов как “вторичных”. Вместо того, чтобы описать свойства соответствующего события или человека, автор обращается к аналогиям, ищет нечто похожее в других исторических обстоятельствах, в литературных произведениях и т. п. Прецедентные антропонимы часто включают дифференциальные признаки, указывающие на внешность, характер, поступки или судьбу носителя соответствующего имени. Атрибуты прецедентного имени – это “элементы, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например: кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона” [3, с. 80]. Еще одна составляющая прецедентного имени – это оценка, которая воспринимается как эмоциональная, личностная и не всегда способная претендовать на полную объективность. В то же время эта оценка зафиксирована и служит неким ценностным ориентиром для соответствующего национального сообщества или социума.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительную часть прецедентов произведений В. Токаревой составляют инокультурные прецедентные феномены, которые В. В. Красных трактует как универсально-прецедентные, поскольку они известны любому среднему современному homo sapiens и входят в “универсальное” когнитивное пространство [3, с. 174]. В прецедентном пространстве произведений В. Токаревой инокультурные прецедентные антропонимы – это имена библейского и мифологического характера (Иисус Христос, Иуда, Моисей, Медея, Антей, Одиссей, Пигмалион); прецедентные имена, называющие создателей произведений искусства (Леонардо, Жорж Санд, Тулуз Лотрек, Мопассан, Хэмингуэй); имена деятелей искусства (Паганини, Ив Монтан, Орнелла Мутти) и науки (Фрейд), известные исторические личности (принц Чарльз, Че Гевара, Колумб, шахиня Сорейя, Жанна д’Арк).

Анализ интертекстуальных объектов сравнения показывает, что прецедентные антропонимы участвуют в сопоставлении по самому главному для данного образа признаку, а признаки могут быть совершенно разными: внешний вид, эмоциональные проявления, действия, поступки, поведение героев, их профессиональные качества. Например, имя человека, широко известного благодаря какой-либо черте внешности, часто переносится на персонаж произведений В. Токаревой в составе образных сравнений: *Если бы маму и Машу перемешать в одном котле, а потом из них двоих сделать нового человека – получилась бы эта женщина с голубым от холода лицом. Как Аэлита* [8, с. 35]; *Это была женщина вне возраста, в очках и в шерстяном жилете. Тощая, жесткая, как эсерка Мария Спиридонова* [7, с. 44]; *Эlegantный, как принц Чарльз, но плюет в землю* [12, с. 67]; *Лицо – в мехах. Над мехами – глаза. Гордая красавица, как шахиня Сорейя, которая потрясла мир в шестидесятые годы* [6, с. 29].

Нередки в произведениях В. Токаревой сравнения с признанными красавицами и красавцами кино, моделями с целью подчеркнуть внешнюю привлекательность субъекта сравнения: *Она была похожа на фотомодель Наоми Кэмпбелл, только светлокочая и меньше ростом* [8, с. 46]; *Моя жена похожа на жену Рембрандта Саскию. Представьте себе Саскию с короткой стрижкой, в кожаной юбке и с авоськой в руках – получится моя жена* [11, с. 53]; *Короткий нос, пышный рот и яркие хрустальные глаза в темных ресницах. Хоть на обложку журнала. Вылитая Орнелла Мутти, только моложе* [8, с. 32].

Как видно, прецедентные имена – важное средство эмоциональной оценки, они не претендуют на точную формулировку, но ярко выражают субъективное отношение автора. Как подчеркивает Д. Б. Гудков, оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна [1, с. 157]. Субъективное отношение автора часто поддерживается субъективностью восприятия персонажа произведения, эксплицированной в контексте: *Моя жена считает, что Андрей похож на диктора телевидения Кириллова. Если бы у Кириллова выпали волосы, нос стал коротким, а лицо круглым, то он как две капли воды походил бы на моего друга Андрея* [11, с. 58]; *Ирина сидела за столиком в черно-белом одеянии, дорогая блуза с венецианскими кружевами, длинная юбка из тяжелого шелка. Величественная и возрастная, как царица Екатерина, только без парика и без власти* [6, с. 37].

Прецедентные антропонимы используются В. Токаревой в компаративных конструкциях и для обозначения эмоциональных проявлений героев: *Душа жаждала свободы и покоя, как у Лермонтова* [8, с. 53]; *Мирка была (и осталась) равнодушна к знаменитостям, как чеховская попрыгунья* [10, с. 57]; *Он любил женщин в принципе. Ему было с ними легко, с ними он был умнее, интереснее, как чеховский Гуров из “Дамы с собачкой”* [11, с. 72]; *Он, как Пигмалион, лепил свое творение и влюблялся в свое творение* [7, с. 31].

Прецедентные антропонимы часто включают дифференциальные признаки, указывающие на действия, поступки, поведение героя: *Он был виноват и одновременно не виноват. Как Вронский* [7, с. 39]; *Они договорились и даже поклялись во время прогулки на Ленинских горах. Как Герцен и Огарев. Суть клятвы была разная. Но решимость довести дело до конца – одна и та же* [12, с. 238]; *Он ЭТО делает, как бог на Олимпе, – таинственно сообщила Тамара* [12, с. 174]; *Ты, как Сталин, не признавал за собой ошибок, а все свои недостатки выдавал за достоинства* [13, с. 112]; *Вы ведете себя так, будто вы Жорж Санд* [9, с. 47].

Основанием сравнения в компаративных конструкциях с прецедентными именами становятся и профессиональные качества: *В один из дней Кеши сел за письменный стол и стал писать воспоминания, как летописец Пимен* [7, с. 36]; *Большой художник открывает свой материк, как Колумб Америку* [12, с. 23]; *Я сидела, склонив голову над листком, и создавала свой мир. Как Бог* [13, с. 19]; *Наиля работала в модельном бизнесе. Создала свою коллекцию, как Коко Шанель* [8, с. 41].

Обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых случаях в тексте присутствуют те или иные сведения об источниках прецедентности. Это может быть указание на название художественного текста или его автора, на историческую эпоху или социальное положение политического деятеля: *Я, как чеховская Нина Заречная, бредила о славе и готова была заплатить за нее любую цену* [8, с. 54]; *Копылов работал и был в этот момент похож на виолончелиста Ростроповича, когда тот играет “Элегию” Масне* [9, с. 93]. В первом случае автор использует для характеристики героини прецедентное имя *Нина Заречная* и, видимо, не надеясь, что читатели сразу поймут, какая *Нина Заречная* имеется в виду, упоминает автора пьесы “Чайка”. Во втором – В. Токарева уточняет род деятельности прославленного русского виолончелиста, пианиста и дирижера М. Л. Ростроповича [1927 – 2007], благодаря которой он приобрел мировую известность.

Прецедентные антропонимы, заимствованные из литературной и мифологической сферы, как правило, ориентированы на развертывание сюжета художественного произведения-предшественника или мифа: *Мелкие камешки впились в спину. “Как Рахметов”, – подумала Марина. Но герой Чернышевского спал на гвоздях во имя какой-то большой идеи. А Марина во имя чего?* [12, с. 217]; *“Как герой Достоевского, – подумала Романова. – Раскольников, который сначала убьет, а потом мучается. Всегда при деле. А так, чтобы жить спокойно, не убивая и не мучаясь, – это не для него”* [Там же, с. 232]; *Тамара была – как Ева, вкусившая яблоко. Скоро должен кто-то явиться и выгнать ее из рая* [Там же, с. 235]; *И Елена стоит у врат, помогает детям явиться на свет. Как архангел Гавриил* [11, с. 93].

В подобных контекстах, как правило, есть указания на то, по каким именно признакам отождествляются герои с персонажами произведений литературы или мифа.

Проведенные наблюдения показывают, что наиболее известные прецедентные имена В. Токарева часто использует без каких либо уточнений: *Ариадна насобирала базовый капитал и – вперед. Как Чапаев* [10, с. 41]; *Дед сидит в кресле и держит руку на голове собаки. Как Мазепа* [Там же, с. 29]. Если же автор не до конца уверена, что соответствующее имя относится к числу широко известных читателям, она использует те или иные способы актуализации прецедентного имени: – *Да. Я пишу. И рисую. И у меня есть философские труды. – Как Леонардо. На все руки. – И ты считаешь, что гении были только во времена Возрождения? Только в Италии? А в России их нет?* [12, с. 231]. В данном контексте содержится указание на историческую эпоху, страну, что позволяет идентифицировать имя *Леонардо* как прецедентное *Леонардо да Винчи*. Как видим, использование прецедентного имени как основы для метафоры предполагает презумпцию определенного уровня эрудиции у читателя.

Еще одно свойство рассматриваемых прецедентных антропонимов – это их семантическая трансформация, использование в не совсем обычном смысле. Прецедентному имени свойственно прямое и косвенное употребление. При употреблении того или иного прецедентного имени из всего многообразия характеристик данного феномена выделяется некий весьма ограниченный набор признаков, остальные же отбрасываются как несущественные. К способам акцентирования прецедентных имен в таких случаях в произведениях В. Токаревой можно отнести использование их в контексте с последующим диалогом, содержащим экспликацию дифференциальных признаков, указывающих, например, на внешность: *Он вообще как Тулуз Лотрек. – Художник? – уточнила Татьяна. – Урод, – поправила Люда. – Развитое туловище на непомерно коротких ногах* [13, с. 131].

Прецедентное имя может представлять собой конструкцию, состоящую из одного или более элементов. Так, имя *Анна Каренина* выполняет эталонную функцию, а именно является эталоном самоубийства, при этом имеется в виду самоубийство, совершенное таким способом, которым воспользовалась Анна Каренина, то есть гибель под поездом. В. В. Красных, отмечает, что именно сложность структуры прецедентного имени определяет особенности функционирования прецедентных имен в речи [19, с. 83]. В тексте повести В. Токаревой “Дерево на крыше” прецедентный антропоним *Анна Каренина* использован для обозначения эмоционального состояния героини: *Вера сидела в электричке, смотрела на бегущие мимо заснеженные поля и прокручивала в голове грустные мысли, как Анна Каренина перед самоубийством* [9, с. 17]. В данном случае прецедентное имя относится и к прецедентному тексту романа Л. Н. Толстого и к прецедентной ситуации самоубийства.

Употребление некоторых прецедентных антропонимов может оказаться для читателя своего рода интеллектуальной загадкой, например: *Ты потерпи моё отсутствие, а потом я опять сяду в шляпку на пенёк, как Джульетта Друэ* [13, с. 113]. В таких случаях В. Токарева прибегает к метатекстовому сопровождению прецедентного имени: *Это история Виктора Гюго и Джульетты Друэ. Была такая Джульетта в его жизни, кажется, актриса. И была жена, её тоже как-то звали. Но никто не помнит – как. А Джульетту Друэ помнят все. Джульетта следовала за Виктором, как нитка за иголкой. Куда он, туда она. Его семья на дачу, и она снимает домик неподалёку. И по вечерам Виктор шёл к ней, вдохновлённый, и никто этого не знал. А Джульетта сидела на пенёчке, в шляпке, ждала. Смотрела на аллею. И вот он идёт. Она всплещивает ручками – и к нему навстречу. Припадала к груди. Ах...* [Там же, с. 112]. В рассказе В. Токаревой “Тихая музыка за стеной” сравнению *Унизил, как Ленин Душечку* [10, с. 58] предшествует контекст, в котором не только актуализированы признаки прецедентного антропонима *Душечка*, но и представлена прецедентная ситуация отношений между российскими политиками В. И. Лениным и Л. Д. Троцким: *Ты как чеховская Душечка: мы с Ваничкой,*

мы с Васичкой... А Ленин ее презирал, – напомнила Мирка. – Говорил: душечка Троцкий... – Ленин в своих политических целях мог извратить все, что угодно. Он был фанатик революции, а Душечка тут ни при чем. У Душечки был главный женский талант – талант любви. Мирка обиделась. Получалось: у Ады есть талант, а у нее нет. Унизил, как Ленин Душечку [Там же, с. 58].

В образной сфере сравнения В. Токаревой иногда можно наблюдать образование контекстуальных синонимов – необычное отождествление семантики прецедентных имен с семантикой иных антропонимов: *Он – не лидер, не первый. Он – второй. Но ведь вторые тоже нужны. Первый – один. Как Жанна д'Арк или Михаил Кутузов* [7, с. 64]. В данном контексте при метафорическом использовании имен знаменитых командующих М. Кутузова и Жанны д'Арк акцентирован дифференциальный признак “лидер”, при этом полностью нейтрализованы признаки военного характера.

Как показали наблюдения, сравнение занимает важнейшее место в идиолекте Виктории Токаревой, для которой сравнение является не только средством достижения выразительности, но и неотъемлемой частью ее индивидуальной стилистической системы. С помощью сравнительных конструкций автор представляет читателю мир, предлагая сравнивать и сопоставлять неограниченно широкий круг сущностей, чтобы установить ассоциативные связи там, где в повседневной жизни их быть не может. В прозе Виктории Токаревой широко распространено метафорическое использование имени собственного для обозначения в переносном значении человека, который в той или иной степени похож на “законного” носителя соответствующего антропонима. Проанализированный нами материал свидетельствует, что чаще всего прецедентные феномены используются для пародирования атрибутов современной реальности, при этом активно используется их прагматический, эстетический, экспрессивный, репрезентативный потенциал, а также возможности языковой игры и дополнительной информативности.

Литература

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
3. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : Учебное пособие / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
5. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Неподкупный. – М. : Наука, 1986. – 256 с.

Источники иллюстративного материала

6. Токарева В. С. Лавина / В. С. Токарева. – М. : АСТ, 2005. – 432 с.
7. Токарева В. С. Одна из многих / В. С. Токарева. – М. : АСТ, 2007. – 316 с.
8. Токарева В. С. Террор любовью / В. С. Токарева. – М. : АСТ, 2008. – 78 с.
9. Токарева В. С. Дерево на крыше / В. С. Токарева. – М. : АСТ, 2011. – 352 с.
10. Токарева В. С. Тихая музыка за стеной / В. С. Токарева. – М. : Астрель, 2014. – 320 с.
11. Токарева В. С. Сволочей тоже жалко / В. С. Токарева. – М. : Азбука, 2014. – 240 с.
12. Токарева В. С. Римские каникулы / В. С. Токарева. – М. : Азбука, 2015. – 448 с.
13. Токарева В. С. Мои мужчины / В. С. Токарева. – М. : Азбука-Аттикус, 2015. – 170 с.